

Константин
ОБРАЗЦОВ

МЕТАФОРА

кинороман с ключами в десяти эпизодах

INSPIRIA

Москва

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-23

Образцов, Константин Александрович.

О-23 Метафора / Константин Образцов. — Москва : Эксмо, 2026. — 544 с. — (Ток. Красные цепи. Мистические триллеры Образцова).

ISBN 978-5-04-243370-2

Добро пожаловать в Метасити – город на Острове, где сбываются мечты!

Здесь будущее уже наступило – в своей лучшей версии. Компания «Метафора», на которой держится вся экономика Острова, во главе с гениальным Шефом, снабжает мир самыми передовыми технологиями. Высокий уровень жизни в Метасити и много свободного времени – это ли не рай?

Но однажды во время приезда делегации инвесторов на Острове происходят массовые убийства, необъяснимые в своей бессмысленности и жестокости.

Что же здесь происходит?

Корпоративный заговор с многомиллиардными интересами? Или многолетнее зло, запечатанное в самом сердце Острова, которое просто дождалось своего часа и надело маску прогресса?

Но самый главный вопрос: кто сходит с ума? Герои, автор – или вы сами?

Метафора – это остров.

Метафора – это игра.

Метафора – это ловушка, и вы уже внутри.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Образцов К. А., 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243370-2

*Посвящается лучшим из нас
и лучшим из вас*

ПЕРВЫЙ СЕЗОН

Эпизод 1

ГЕНИАЛЬНЫЙ СЫЩИК

И вот первый из тех, кого я видел и к кому обращался с вопросом, войдя в город, спросил меня: «Куда вы идете? Разве вы не знаете, что вы давно уже умерли?» Я хотел было ответить, но увидел, что возле меня никого нет.

Виктор Гюго

Серая пустота гипнотизировала неподвижностью тишины. Если стоять, не двигаясь, и смотреть прямо перед собой, то можно было почувствовать себя зависшим вне времени, между пасмурной дымкой низкого неба и унылой рябью свинцового моря, не замечая грязноватых потеков на оконном стекле, вперив взгляд в туман, скрывающий невидимую линию горизонта. Это, конечно, обман и очередная условность: никакой линии нет, как не существует места, где радуга касается земли, и море никогда не встречается с небом, — так, поэтическая красивость, символ предела, куда не может проникнуть наш взгляд и мысль.

Всё иллюзия в этой жизни, и сама жизнь иллюзорна тоже, реальна только смерть.

Я чуть скосил глаза; деревянная рама была старой, и белая краска на ней шелушилась. По краям желтели обрывки

бумаги, прилипшие к сохлому клею. Если взглянуть влево, то сквозь полупрозрачную туманную пелену можно было различить далекие скалы на западной оконечности Острова, а на них решетчатые фермы вышки. Справа видна была только стена из серого кирпича, но если высунуться из окна, то стал бы виден и грузовой Порт, и старая Верфь. Я вздохнул и снова стал смотреть вдаль. Оборачиваться не хотелось, но я знал, что придется.

— Света, ты закончила? — спросил я.

Света высунулась из-за массивного широкого стола и дунула на темную пряжку, выбившуюся из двух тонких косячек.

— Почти всё, хочу только пару соскобов пороха сделать, — ответила она, потерла пальчиком в резиновой перчатке кончик носа, оставив на нем смазанный красный след, и снова нырнула за стол.

Стена за столом была обильно забрызгана темной кровью и мозговым веществом, как будто кто-то спяну заблевал плохо переваренным борщом желтоватые обои, грамоты с благодарственными письмами в рамках и начальственный портрет на стене. Внутри и вокруг пятна чернели точки впившейся в стену кабаньей картечи. Поверхность стола была покрыта изорванными документами на казенных бланках с печатями, осколками разбитых канцелярских приборов и раскуроченной настольной лампы и липкими, уже загустевшими пятнами крови. В отличие от тех, что забрызгали стену после того, как выстрел в упор снес череп главе Старгородского сельского поселения, пятна на столе, скорее всего, образовались, когда ему дробили пальцы, так что сейчас его руки напоминали болтающиеся перчатки, кое-как натянутые на толстые палки. Сам глава навзничь лежал за столом, рядом с откатившимся в сторону креслом: голубая рубашка задралась до груди, внушительный бледный живот безжизненно торчал вверх, а на месте головы — простите мне этот сомнительный каламбур, — из обрубка шеи

торчала только вполне прилично сохранившаяся, чисто выбритая нижняя челюсть с кривоватыми желтыми зубами. Моя Света, приоткрыв от старания рот, аккуратно копалась там ватной палочкой. До того как попасть на Остров, она училась на криминалиста и теперь, наверное, рада была единственному за все время службы случаю применить на практике свои знания.

Я прошел по кабинету от окна к столу. Запахи крови и пороха, которые не спутаешь ни с чем, смешивались с пыльной затхлостью и запахом старых бумаг. Под ногами поскрипывало и шелестело. Не слишком богатая обстановка была уничтожена с той же яростью, с которой неизвестный убийца пытал и прикончил главу Старгородского поселения Алексея Валерьевича Каёкина, человека мирного и в целом безвредного: стекла в шкафах разбиты, папки и служебные бумаги выворочены из ящиков и сброшены с полок, дверцы платяного шкафа сорваны с петель, и даже зеркало на стене расколочено так основательно, словно тот, кто это сделал, ненавидел свое отражение.

В раскрытую дверь заглянула Ингрид. Голубые глаза под козырьком форменной кепки были усталыми и чуть покраснели, как у человека, толком не спавшего ночь.

— Там ребята из морга вернулись, — сказала она, поморгав. — Спрашивают, когда можно забрать труп.

Вместе со мной Света и Ингрид составляли весь штат отдела уголовного розыска Метасити, и ничто никогда не давало оснований предположить, что когда бы то ни было нам потребуется больше. Я посмотрел на часы: был полдень — мой самый скверный полдень на Острове за все три года, что я провел здесь.

— Скажи, пусть заходят минут через пятнадцать. Света, успеешь?

— Вполне.

Ингрид шагнула вперед, чуть нагнулась и понизила голос до драматического шепота.

— А еще к тебе Чурилов приехал. — Она оглянулась. — Вот, как раз поднимается.

Мог ли этот полдень стать еще хуже? Никогда не стоит сомневаться в такой возможности, вот что я вам скажу.

Ингрид скользнула в сторону, освобождая дорогу. В кабинет вошел невысокий крепкий мужчина в короткой кожаной куртке, хмурый, как алкоголик в завязке, с седым ежиком волос и лицом, которое будто вылепили ударами кулаков по куску сырой глины, а потом небрежно проковыряли две круглые дырочки глаз. Это был Дмитрий Иванович Чурилов, начальник Службы безопасности Метафоры, и это означало, что по статусу он превосходил не только меня, но и начальника полиции Метасити, да и самого мэра. На всем Острове имелось всего два человека, более влиятельных, чем он, и это накладывало некоторый отпечаток.

— Здорово, сыщик, — сказал он, не протягивая руки. — Рассказывай.

За его спиной воздвиглись двое громадных верзил в черных пальто и уставились на меня с характерным презрением лакеев, находящихся на службе у могущественного господина.

— Тело Каёкина обнаружено два с половиной часа назад, — сообщил я, — моей сотрудницей и теми патрульными, которые сначала приехали к нему в дом по вызову соседки. Вахтера убили внизу, на посту охраны, Каёкина — здесь, в кабинете. Так как сегодня суббота, больше из сотрудников администрации никто не пострадал. Предположительно, перед смертью убитого пытали.

— Предположительно, — буркнул Чурилов. — Соображения?..

— Рановато для соображений, — ответил я. — Явных мотивов нет, посмотрим, что даст опрос свидетелей, экспертиза, и...

— Сколько у тебя трупов со вчерашнего вечера? — перебил Чурилов.

— Десять, — нехотя сказал я.

— Десять, — повторил Чурилов и растопырил узловатые пальцы на двух руках. — И это еще Вова Якорь выжил, а было бы одиннадцать. Из-за такого другой начальник уголовного розыска уже город-миллионник на уши бы поставил, а тебе рановато для соображений. Еще и в такой момент! Ты же в курсе, что сейчас на Острове делегация?

Разумеется, я был в курсе. Время от времени в Метафору являлись с визитами разные гости, по делу или еще зачем, но вчера утром в Гавани на берег сошла целая дюжина: их отвезли в Отель, потом, как говорили, на обед к самому Шеффу и еще два часа возили по городу на тонированном микроавтобусе в сопровождении пары черных внедорожников с мигалками на крышах и логотипом «Метафоры» на бортах. В новостях поначалу ничего не писали, а потому сразу появилось немало предположений и слухов; в основном все сходились на том, что это инвесторы, которые собираются то ли вкладываться, то ли вовсе покупать Метафору, а значит, вместе с ней и весь Остров. Так что момент, о котором говорил Чурилов, и вправду был максимально не подходящий для того, чтобы Метасити вдруг превратился в Чикаго.

— Мне бы не помешала помощь, — сказал я. — Как минимум доступ к записям с камер. Это может решить дело за несколько минут. Кроме того, наши возможности экспертизы ограничены.

— Ты сыщик или кто? — поинтересовался Чурилов. — Знаешь, как в песне поется? Я гениальный сыщик, мне помощь не нужна!

Он вдруг зауhal жутковатым смехом. Двое громил тоже ощерились. Мне было не смешно.

— Ладно, будут тебе записи с камер, но позже, — сказал он, отсмеявшись. — А что касается экспертизы, то вот, знакомься...

За широкими спинами Чурилова и его двухметровых деревянных солдат я не заметил невысокую женщину с зо-

лотистыми волосами до плеч; такие иногда называют рыжими, но ни к какому убийству деда лопатой она явно была непричастна. На вид ей было лет тридцать пять; у нее было правильное, немного строгое лицо и зеленые глаза: я увидел это, встретившись с ней взглядом, и на какой-то миг мне вдруг показалось, что мы знакомы, как будто знали друг друга давно, в какой-то другой жизни. Впрочем, это странное ощущение быстро прошло, и я решил, что женщина просто похожа на героиню какого-то сериала. Она смотрела на меня со странным выражением настороженного любопытства, как смотрят на чудаковатого или сумасшедшего, когда не знают, опасен он или нет. Возможно, дело было в моем не слишком презентабельном виде: волосы всклокочены после короткого сна и тревожного пробуждения, кроссовки в грязи, на спортивных штанах растянуты колени, и мятая худи криво сидит под кожаной курткой. Сама женщина была одета с элегантной сдержанностью, как успешная бизнес-леди или, скорее, авторитетная сотрудница следственного комитета, курирующая экономическое направление, — мне случалось с такими сталкиваться: длинное бежевое пальто, классический костюм и безупречно чистые острые носки туфель под широкими брюками. На запястье левой руки блестел золотой браслет обычных часов, а на правой я заметил другие, круглые, на широком тканевом ремешке, похожие на спортивные.

— Алина Сергеевна Назарова, судебно-медицинский эксперт, в связи с серьезностью сложившейся ситуации будет оказывать помощь в расследовании. Предоставь ей всю информацию и окажи содействие. Это личное распоряжение Шефа. — Чурилов значительно поднял палец вверх.

— Очень рад, — сказал я и изобразил улыбку.

— А это наш начальник отдела уголовного розыска, Гедеон... как там тебя...

— Можно просто Гедеон.

— Ну вот и ладно. О ходе расследования будешь сообщать мне лично, понял? Не начальнику своему, а мне. Первый

доклад жду к вечеру. И еще раз повторяю, — Чурилов указал на Алину, — личное распоряжение Шефа!

Он повернулся, пошел к двери, ступая лаковыми штиблетами по осколкам и растрепанным, разбросанным бумажным папкам, поскользнулся на битом стекле, свирепо зыркнул на меня и ушел. Двое охранников, чуть пригнувшись, по очереди протиснулись за ним следом. Наступила неловкая тишина. Мы со Светой смотрели на Алину, а она на нас. Из дверей снова высунулась Ингрид и тоже глядела с любопытством.

— Ну, — развел руками я, — что скажете?

Алина быстро окинула взглядом кабинет, мельком посмотрела за стол и на стену.

— Выстрел с очень близкого расстояния из двустольного ружья 12-го калибра: вон гильзы валяются, одна и другая. Стреляли связанной картечью. Судя по разбросу следов от нее на стене, я предполагаю оружие с длиной стволов не больше пятидесяти сантиметров, скорее всего, курковая «кучерская» двустолка. Состояние головы и направление разбрызгивания крови говорят о том, что потерпевшему вставили стволы в рот и разом спустили курки.

Света восхищенно раскрыла рот.

— Уже приходилось видеть подобное? — поинтересовался я.

— Да, но с некоторыми нюансами: мужчина решил свести счеты с жизнью таким способом, однако направил стволы под неверным углом и в намерении своем не преуспел, так что только полностью снес себе лицо, но остался жив.

— И как ему жилось с этим?

— Видимо, лучше прежнего, потому что ничего подобного он больше не предпринимал.

Света хихикнула. Я подумал, что с экспертом Алиной Назаровой мы, возможно, сработаемся.

— Вам нужно еще что-нибудь осмотреть? — спросил я.

Алина отрицательно покачала головой:

— Нет, но я хочу принять участие во вскрытии. Разумеется, вместе с коллегой. — Алина кивнула Свете, и та немедленно покраснела от удовольствия. — Только когда будете увозить тело, как можно тщательнее соберите фрагменты со стены и не забудьте подобрать ухо, правое, кажется, вот там, за тумбой стола.

Из коридора послышался тяжелый топот шагов; санитары вошли в кабинет, тяжело дыша куревом и таща с собой носилки и пластиковый черный мешок. Одного, веснушчатого и курного, я знал, его звали Слава, и он пару раз попадался за распитие в общественном месте, а другой, постарше, был мне незнаком. Они установили носилки и с натугой потащили за ноги из-под стола то, что осталось от Алексея Валерьевича Каёкина, главы Старгородского сельского поселения, ныне ставшего обезглавленным, изуродованным трупом.

Уверен, не так ожидал он встретить субботнее утро. И уж точно иначе собирались провести этот день его дочери и жена.

Мы спустились со второго этажа в прохладный, полутемный вестибюль. На досках объявлений желтели какие-то бумаги и фотографии, которые висели, наверное, уже не первый год. Пыльное стекло слева от узкого турникета было покрыто трещинами, в центре зияла острыми гранями большая дыра. Тело убитого вахтера уже увезли, рядом с опрокинутым стулом на цементном полу чернело обширное пятно. На столе лежал раскрытый журнал со сканвордом и карандаш.

На улице белел пасмурный день. 6 октября на Острове еще едва начинается осень, и у пологих ступеней крыльца рыжели редкие листья, первые предвестья грядущих холодов и дождей. Деревья в пропитанных влагой зеленых тяжелых плащах недвижно застыли в остатках ночного тумана. Пахло железом и морем. Бесшумно сверкали сине-белые проблесковые огни полицейского автомобиля и скорой.

Рядом с крыльцом пузатый участковый Свиридов что-то внушал двум женщинам и сумрачному мужчине в рыбацкой штормовке и с длинной седой бородой. Женщины были одеты кое-как, как будто просто набросили пальто поверх домашних халатов да сунули босые ноги в калоши. Глаза у них были заплаканы. Тут же мялись двое молодых патрульных, тревожно поглядывая на группу недружелюбного вида мужчин, собравшихся чуть поодаль, рядом со стоящим тут уже год понурым, заржавленным трактором. Я подумал, что к обеду про Каёкина будет знать весь Метасити, даже если наш канал новостей наберет в рот воды, а еще о том, как отреагируют люди и к чему это все может привести, с учетом вчерашних событий.

Впереди через улицу находились заборы и палисадники частного сектора; из-за осыпанных красным густых рябин и деревьев виднелись флюгеры и печные трубы на крышах. Всего в паре сотен метров отсюда находился и дом убитого главы. Если пойти направо, через запутанные улочки в кварталах пятиэтажек, то минут за двадцать можно добраться до производственной площадки Метакоры; влево улица уходила к грузовому Порту и Верфи и дальше, к деревне Демидовке, которая вместе с частным сектором и частью района, именуемого Верфянкой, составляла административную единицу Старгородского сельского поселения, глава которого так трагически распрощался сегодня с жизнью.

— Вас подвезти? — спросил я.

Алина кивнула.

Рыже-белый кот перебежал дорогу, озираясь и огибая грязные лужи в выбоинах асфальта. Мой повидавший жизнь темно-зеленый джип «Гранд Чероки» с проржавленным «кенгурятником» на переднем бампере стоял у противоположной обочины. Это был штатный транспорт нашего отдела уголовного розыска. Группа мужчин рядом со зданием администрации увеличилась, и, усаживаясь за руль, я поймал на себе пару неприязненных взглядов. Алина чуть

замешкалась, стоя рядом с джипом, а потом тоже села рядом. Я спохватился, что не открыл ей дверь, мысленно выругался, а потом выругался на себя еще раз за то, что выругался. В конце концов, мы не на свидании.

— Какой раритетный автомобиль, — заметила Алина. — И запах в салоне такой... аутентичный.

— Согласно местной легенде, на нем лет тридцать назад ездил сам Шеф, — сказал я, пропуская мимо ушей слова про запах, — но это, конечно, выдумка, хотя и красивая.

— Для своих лет он сохранился прекрасно.

— Раньше все делали лучше и крепче: и людей, и машины.

У нас было время, пока тело доставят в морг, и я предложил Алине заехать позавтракать на фудкорт в «Летучий Голландец» — таким громким именем у нас назывался единственный в городе небольшой двухэтажный торговый центр с кинотеатром, располагавшийся рядом с Центральной площадью, сразу за старым Домом культуры. Накануне я уснул далеко за полночь, а с утра, вырванный из тревожного сна звонком Ингрид, не успел даже толком умыться, не говоря уже чтобы позавтракать, и крепкий кофе мне был совершенно необходим.

— Да, с удовольствием, — согласилась Алина. — И пообщаемся заодно.

Мы проехали по узким проулкам среди серых кварталов Верфянки, пересекли прямой, как палка, Второй проспект, тянувшийся от площади к самому Порту, и через десять минут я уже парковался рядом со стеклянными раздвижными дверями «Летучего Голландца». Преимущество маленького городка — несколько поворотов руля, и вот ты уже добрался с окраины до самого центра.

Как всегда по субботам, людей в торговом центре было достаточно, но то ли моя тревожность с усталостью были тому причиной, то ли на самом деле в обычной атмосфере беззаботного праздншатания по аллее с декоративными фонарями среди торговых рядов сейчас ощущалось некото-

рое напряжение. Небольшой фудкорт находился на втором этаже, рядом с входом в кинотеатр и несколькими детскими заводными качелями в виде космических ракет и гоночных автомобильчиков. Я взял себе большой кофе и порцию блинов с кленовым сиропом, Алина ограничилась апельсиновым соком. Мы устроились за пластиковым столиком рядом с панорамным окном; на нас посматривали, но быстро отводили взгляды.

— Насколько я поняла, в морге меня ждет больше двух трупов, — сказала Алина.

Я вспомнил растопыренные пятерни Чурилова, вздохнул и стал рассказывать по порядку.

Вчера, в начале одиннадцатого часа вечера, в бане, что расположилась в уютном закоулке на углу Второго проспекта и Пятой улицы, расстреляли шесть человек. Навскидку реконструкция событий выглядела так: двое киллеров вошли в баню через главную дверь — это, кстати, первая странность, потому что она должна была быть заперта изнутри, — и открыли огонь из пистолетов. Первая пуля угодила ровно в темя лежавшему на массажном столе Бадри Седому; он так и остался лежать ничком, покрытый мыльной пеной, засыхающей на волосатой спине, похожий на тушу кита, выброшенного на берег, только руки свесились вниз. Вторая убила немолодую полную массажистку, тело которой обнаружили в небольшом бассейне плавающим на спине в покрасневшей воде, с пулевым отверстием между больших грудей. Дело заняло пару секунд — два выстрела, две пули, два трупа. Возможно, именно скоротечность событий привела к тому, что те, кто сидел на втором этаже, не успели ни среагировать, ни попытаться куда-то скрыться. Первые выстрелы настигли одну из девушек, сидевших за столом на широком диване: три пули в грудь оставили черные дыры и красные пятна на белой простыне, обернутой вокруг тела, и убитая Ира Волк упала лицом на стол, опрокинув бокалы с вином. Николай Вяземский, в определенных кругах известный как

Коля Вязьма, успел вскочить, но получил одну пулю в горло, а другую — точнехонько в лоб и был мертв еще до того, как, тяжело перевалившись через спинку дивана, рухнул на пол. Валя Сухогубова оказалась самой проворной и потому прожила на несколько секунд дольше всех: перемахнула через диван, рванула в сторону отдельных кабинок, но растянулась у бильярдного стола с простреленным затылком и выбитым прошедшей навывлет пулей левым глазом.

— Как в тире, — негромко заметила Алина.

Киллеры действительно стреляли отлично и сами это прекрасно осознавали, что парадоксальным образом помогло выжить Вове Якорю. Когда все началось, он сидел в парилке и видел через круглое окошко в двери, как дернулся и замер на массажном столе Бадри Седой, как закричала и упала в бассейн массажистка. Вова быстро сообразил, что происходит, немного выждал и выскочил из парилки, надеясь добежать до входной двери, но не успел: стрелки уже спускались по лестнице.

— Значит, он их видел? Смог описать?

— Можно и так сказать. — Я пожал плечами. — Двое молодых мужиков, на вид старше пятидесяти, невысокие, оба коротко стриженные, в одинаковых коротких черных кожаных куртках, один с короткой седой бородой. Увидели Вову и засмеялись.

— Кто-то подходит под описание?

— Безусловно, — я огляделся, — вот прямо здесь человек пять.

Вова метнулся обратно в парилку и заперся там на засов, а один из стрелков, тот, что с бородой, подошел к двери и выстрелил через окошко. Тут и сработал, что называется, эксцесс исполнителя: пуля только скользнула по черепу Вовы над ухом и вырубил его ненадолго, а киллер увидел очередное точное попадание в голову, брызнувшую на стену кровь, рухнувшего без чувств Вову и ушел в уверенности, что тот убит наповал, хотя в итоге дело обошлось только лег-